

13. Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб: Изд-во ГЭ, 2003.
14. Дж. Дж. Фрэзер. Золотая ветвь. Дополнительный том. Исследование магии и религии. «Рефл-бук», «Ваклер», 1998.
15. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М., 1977.
16. Карпов Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. Спб.: Петербургское Востоковедение, 2007.
17. Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
18. Лит. см.: Дударев С. Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху.
19. Международный «круглый стол» «Ранние скифы и культура». Дискуссия // ВДИ. 1994. № 1.
20. Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и Древний Восток. М.: Наука, 1992.
21. Ковалев А. А. О происхождении оленних камней западного региона // Археология, палеография и палеодемография Евразии. М.: Геос, 2000.
22. Гутнов Ф.Х. Ранние скифы. Очерки социальной истории. Владикавказ: Институт цивилизации, 2006.
23. Черненко Е.В. Скифо-персидская война. Киев: Наук. думка, 1984.

УДК 130.2

Ерохин Алексей Михайлович, Каширин Валерий Иванович

«ВЕТВЛЕНИЕ» ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА И ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ГУМАНИТАРНОЙ КРИЗИСОЛОГИИ КАК МЕТАТЕОРИИ И ФИЛОСОФИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

В статье показано, как растет потребность в осмыслении кризисов как специфического социального феномена. Кризисология превращается из исторической науки в политико-философскую теорию глобальных последствий кризисов, которые все более приобретают гуманитарный характер.

Ключевые слова: гуманитарная кризисология, метатеория, философия социальных наук, диалектико-триалектическая методология.

Erokhin Aleksey M., Kashirin Valeriy I.

«BRANCHING» OF WORLD CRISIS AND GREAT DEMAND OF HUMANE CRISISOLOGY AS A METATHEORY AND SOCIAL SCIENCES PHILOSOPHY

The need for judgments of crises as a specific social phenomenon grows. Crisisology turns from the historical science into the political and philosophical theory of global consequences of crises which gain more and more humanitarian character.

Key words: humane crisisology, metatheory, social sciences philosophy, dialectic and trialectic methodology.

Актуальность гуманитарной кризисологии как метатеории и философии социальных наук отчетливо прослеживается в крепнущем убеждении аналитиков, что ядро глобалистской и российской кризисной проблематики перемещается из финансово-экономической в политическую, социальную, духовную, культурно-психологическую сферы, включающие мировоззрение, характер мышления, цивилизационное творчество. Идет процесс «ветвления» глобального экономического кризиса. Именно этот процесс, на наш взгляд, является сущностной характеристикой, определяющей его «затяжной» характер во времени (начиная с 2008 года) и колоссальные антигуманные последствия в глобальном пространстве и отдельных его частях: ЕС, АТС, БРИГС, а также в России, Китае, Украине, Греции и других регионах мира. Становится все очевиднее, что глобальное геоэкономическое пространство, созданное США с помощью крупных монополий и долларового господства, превращается в «поскутное одеяло» прикрывающее их бессилие отчаянными военными и информационными агрессиями. Процесс «ветвления», таким образом, все рельефнее выделяет пространственную горизонталь «расползания» кризисных явлений в мир-системе, с одной стороны, и векторно-временную, духовно-кодую вертикаль хаотического смешения прошлого и будущего в настоящем, с другой.

Но как же отследить в этом процессе плохо уловимый «шум леса», который иногда называют объективными условиями, а иногда субъективной информационной средой, от реальных антикри-

зисных социальных процессов, которые часто связаны с губительными «гуманитарными» последствиями «ветвления» глобального кризиса, а еще чаще с «роевым» сознанием и поведением масс, их «восстанием» (Х. Ортега-и-Гассет), как «арабская весна» 2011[1] или «украинская осень» 2013 с ее «оранжевым ренессансом» [2]?

На эти вопросы могут дать ответы лишь философские и гуманитарные науки. Чтобы не отставать от «вызовов» кризисного времени и дать адекватные «ответы» на них, они должны иметь надежный, выверенный методологический инструментарий, без которого нельзя ни анализировать настоящее, ни прогнозировать будущее. Все более востребованной становится универсальная мета-теория глобальных кризисов, которая, вычленив «работающие» и ныне закономерности из исторических обобщений, включая труды К. Маркса (1818–1883), А. Тойнби (1889–1975) и других, могла бы объединить усилия современных кризисологов и обосновать новые прогнозы, с учетом специфики происходящего. Однако такой метатеории, к сожалению, до сих пор нет, хотя ее предпосылки имеются в исторической теории кризисов.

В мировую сокровищницу внесены имена выдающихся российских гуманитарных аналитиков и прогнозистов современности, которые закладывали фундамент антикризисной метанауки. К ним относится, например, имя Н. Н. Моисеева (1917–2000), который, будучи выдающимся мыслителем, математиком и информатиком, осуществлял анализ кризисов и делал прогнозы, например, «закат PAX AMERICANA», «феномен экономического взлета Японии», «Китай в обозримом будущем», «Роль России в современном мире» и другие [3]. Его прогнозы до сих пор сбываются.

Свой вклад в развитие современной теории кризисов внесли известные прогнозисты И. В. Бестужев-Лада, А. И. Неклесса и другие [4].

Вместе с тем проблемы современного глобального и российского кризисов рассматриваются в основном лишь в экономическом ключе, да и то некоторые из трудов излишне политически заангажированы. Например, в книге под редакцией Е. Т. Гайдара, по существу, оправдывается либерально-радикальная политика реформаторов 1990-х годов, развалившая все лучшее, что осталось от советской экономики и нанесящая колоссальный урон России – в два раза больший, чем во время Второй мировой войны [5].

Однако в многочисленных статьях и немногочисленных монографиях, несмотря на обилие фактического материала, методологические проблемы отражены слабо. Можно назвать лишь несколько работ, в которых поднимаются методологические вопросы теории кризисов. К ним относятся труды А. П. Назатеряна, Л. В. Скворцова, А. В. Бузгалина и некоторых других исследователей [6]. Между тем, методология – это первое, на что должна быть нацелена новая гуманитарная кризисология, чтобы стать метанаукой и философией социальных наук. Особенно это важно для ее преподавания в вузах.

Впервые учебник для студентов вузов о методологии современного политического прогнозирования написал А. С. Панарин (1940–2003), в котором обосновал необходимость синергетической парадигмы в синтетических прогнозных моделях: Восток-Запад, Север-Юг, Запад – Азиатско-Тихоокеанский регион, а также доминантный прогностический сценарий (проблему выбора) – Суша и Море как соперничающие мироустроительные модели в прогностике; сценарий восстановления прерогатив Континента с помощью Духовной вертикали как противоядия от конфликта цивилизаций [7]. Здесь впервые в российской прогностике А. С. Панарин использует закон, сформулированный А. Тойнби – императив адекватного «ответа» на правильно интерпретируемые «вызовы»¹, который, несомненно, «работает» в происходящем, синтезирующем происшедшее прошлое и альтернативно-целесообразное будущее.

Однако специфический процесс «ветвления» глобального экономического кризиса, впервые происходящий на всех «этажах» общественного сознания – и в современности, и повседневности, делает свой «вызов» философии и гуманитарным наукам. Этот вызов интерпретируется нами как требование исторического времени сделать прорыв в теории, методологии и методике изучения современных докризисных, конфликтно-кризисных и посткризисных пространственно-временных ситуаций (ПВС), рассматривая их как отражение глубинных причинно-следственных связей, с по-

¹ Основной труд А. Тойнби «Постижение истории» состоит из 12 томов, которые он создавал с 1934 по 1961 гг., и в котором обосновал, что выход из противоречий и конфликтов общества – в его духовном обновлении.

мощью гуманитарной метатеории и философии социальных наук. Такая интерпретация основывается на трех основных положениях.

1. Акцентируя внимание на глобальных последствиях развала СССР и кризисном переходе России от социализма к капитализму, мир-система конца XX века, на первый взгляд, забыла о том, что капитализм подвержен кризисам. Но оказалось, что их последствия – в стадии глобализированного империализма транснациональных корпораций – оборачиваются апокалиптическими тупиками для теоретически исследуемой современности и «антигуманитарными» катастрофами для общечеловеческой повседневности, которые усилились совпадением с невиданными ранее климатическими и экологическими катаклизмами. Мы столкнулись с абсолютно новой пространственно-временной ситуацией в глобальном мире, когда последствия кризисов приобретают общепланетный гуманитарный характер.

2. «Затяжной» характер кризиса, охватившего весь мир и нашу Родину, показали, что это далеко не цикличное, но и не случайное явление. Однако изучение его специфики, в том числе природы его «ветвления» по пространственной горизонтали «расползания» и векторно-временной вертикали «хаотизации», как отмечают исследователи, к сожалению, «продолжает оставаться в рамках традиционной и для прошлого, и для нынешнего века методологии позитивизма» [8, с. 5].

3. Специфика «ветвления» кризиса в России, на наш взгляд, заключается в том, что он имеет «каскадную» структуру, включающую и серию социальных катастроф, связанных с развалом СССР и неутешительными итогами экономических реформ 90-х годов, приведших нас к примитивизации и архаизации экономики, которая стала и рыночной, и одновременно асоциальной. Эта структура характеризуется исследователями как состояние не подготовленности к вызовам исторического времени, что касается не только левых сил в целом, но и их марксистской составляющей, их оторванности от своей социальной базы. В силу этого из поля зрения левых сил и гражданского общества выпал процесс формирования новой общественной страты, способной возглавить и произвести модернизационный прорыв в России, – креативного класса [9]. Креативный класс становится реальным цивилизационным субъектом в сетевой структуре и налаживания горизонтальных связей между самыми различными общественными организациями, борющимися против нарушения трудовых, социальных, экологических и других прав граждан. В этих условиях альтернативой кризису выступает потенциал цивилизационного творчества, в котором участвуют макро- и микроцивилизационные субъекты [10].

Эти три важных положения приводят к мысли о том, что мы находимся перед лицом новой активизирующейся Вселенной, нового состояния биосферы Земли, и нового витка развития человечества, перед лицом новой исторической реальности.

Однако чтобы разобраться в этой новой реальности, нужны новые подходы и иной понятийный аппарат. Становится все более очевидным, что те парадигмы и тот набор категорий, которые используются сейчас, плохо подходят к описанию глобального мира. Для исследования новой, в историческом смысле только зарождающейся реальности, необходим обновленный диалектический метод. Поэтому мы разделяем идею А. В. Бузгалина о необходимости реактуализации диалектики в мире глобальных трансформаций и его гипотезу «исторической ограниченности поля (пространства и времени) применения классической (гегелевско-марксовой) диалектики как адекватной *par excellence* для исследования именно эпохи отчуждения» [11, с. 20–35].

Только применять ее надо, подобно космической ракете, которая «обеспечивает преодоление земного притяжения и выход за пределы Земли, но не годится для путешествия в соседний супермаркет». Он, таким образом, ставит проблему универсальности самого диалектического метода и отвечает: «диалектический метод вообще нельзя использовать как догму: он требует творческого развития и модификации в соответствии с природой используемого объекта в каждом конкретном случае его применения... Для исследования новой, в историческом смысле только рождающейся реальности, необходим обновленный диалектический метод». К таким новым реальностям он относит: а) мир со-творчества (креатосферу), б) мир сетевых структур и в) мир «заката» старых социальных систем [12].

Одновременно существует мнение, что для изучения живых систем, в том числе социальных, надо применять триалектическую парадигму мышления. Так, О. А. Музыка и В. В. Попов пишут: «Глобальный эволюционизм вместе с глобалистикой поставили под сомнение универсальность диалектической парадигмы мышления, доказали ее недостаточность и необходимость применения

триалектической парадигмы к живым системам, в том числе социальным» [13, с. 177]. Однако наиболее убедительным мы считаем обоснование необходимости модификации диалектического метода в диалектико-триалектическую парадигму для макро – и микрокультурных систем. О необходимости применения диалектико-триалектической парадигмы к анализу сложных социальных системы мы писали ранее [14]. Такой сложной системой является и антикризисное цивилизационное творчество в единстве макро – и микрокультурных компонентов. Оно изучается нами с помощью метатеории и философии культуры времени.

Методология культуры времени и культурно-временной подход объединяют с помощью диалектико-триалектической парадигмы междисциплинарные исследования трех смысловых фреймов: а) научной картины мира – «бесконечноподобие: времяподобие и пространствоподобие», б) современной картины социальной жизни – «целостность: преемственность и целесообразность», в) индивидуального рисунка жизни цивилизационных субъектов – «сегодня – есть вчера, плюс завтра». Стержнем всех этих смысловых фреймов, как видно, является образ культуры времени [15]. Именно через время, которое И. Пригожин называл «ключом к пониманию природы», а М. Кузьмин – «самым гуманитарным фактором в науке», предстоит в ближайшие годы кардинально переосмыслить такие мировоззренческие категории, как жизнь, смерть и бессмертие, природа, человек и машина, сознание и разум, повседневность и современность, информационный отбор и цивилизационный выбор, предметный и виртуальные миры и т. п. В этом специфика и большая ответственность современного гуманитарного знания, в том числе зарождающейся гуманитарной кризисологии.

В научных журналах все чаще появляются статьи о прямой и косвенной поддержке идеи создания метанаучного направления о кризисах. Например, психологи А. А. Деркач и И. Л. Лаптева указывают, что кризисные состояния становятся неотъемлемым сопутствующим компонентом проблемного поля социальной практики, предлагают в рамках кризисологии признать востребованным новое научное направление: социальную акмеологию [16]. Философ А. С. Кравченко пишет, что в сформировавшемся «сложном обществе точки бифуркации, за которыми следует неопределенное развитие, становятся нормой» [17].

В этой связи представляет интерес концепция методологии социальных наук как метатеории, выдвинутая Ю. А. Кимелевым. Он предлагает помимо специфических проблем каждой из социально-гуманитарных наук, признать необходимость их ориентации на основные тематические направления метатеоретической мысли, определенной сквозной тематики в философской метатеории социальных наук и в собственной методологии этих наук. Формулируя три основные направления подобной ориентации наук (прояснить общий характер социальной реальности как объектно-предметной сферы; определить какой метод позволяет наиболее адекватным образом постичь функционирование социального мира; прояснить, что обеспечивает правомерность притязаний на теоретическое знание), Ю. А. Кимелев обращает внимание на вопросы ценностной и мировоззренческой ориентации самого исследователя, осознания им исследуемой проблемы [18, с. 5–6].

Вообще характеристика кризиса как проблемы, пожалуй, самая распространенная в гуманитарных науках. В психологии, например, кризис сознания личности называется проблемой «раздвоения личности», чреватой потерей ориентации во времени. Социальная психология изучает кризисы как «культурные шоки», а их последствия как апатию, аномию, синдром недоверия, мрачный взгляд на будущее, ностальгию по прошлому, травмы коллективной памяти [19]. В. Г. Федотова пишет, что не только «сохранение травмы, но и адаптация к ней – это то, что происходит в России в течение долгого времени и характеризует апатию общества. Это – весьма опасный сценарий, нечто вроде иммунодефицита, толерантности к вредным действиям» [20]. Аномия описана Э. Дюркгеймом как состояние накануне самоубийства. Об аномии целых обществ заговорили только сейчас. Аномия создает не просто раскол, а расколотость на кусочки и возникновение «роевого состояния сознания» и «роевого поведения». Это то, что мы видим в сознании и поведении многих молодых людей и целых молодежных групп, «поражённых» привычками алкоголизма и наркомании, экстремизма и шовинизма. В культурологии и философии культуры проблема духовного кризиса изучается как потеря духовной идентичности, результатом которой являются духовные ошибки, примитивизм, суррогаты духовности: утопическое сознание и культура транса [21]. Российская глобалистика тоже характеризует кризис как возникновение и обострение проблем. Так, Н. А. Чумаков пишет: «Кризис – это уровень, степень развития проблемы, когда она достигает таких масштабов, что выходит на первый план, отодвигая, затмевая другие проблемы, а ее негативные (неже-

лательные) последствия становятся необратимыми. Например, политический, экономический, экологический и тому подобные кризисы» [22, с. 459].

Тот факт, что гуманитарные науки и философия рассматривают кризисы как явления осознанные в качестве проблем, отрефлектированные, «вызов» которых задевает нас, «аффицирует» (И. Кант), свидетельствует о том, что кризисы являются продуктом самосознания цивилизационного субъекта, существующим в информационном поле культуры, являющимся субститутом социальной действительности и объективированной виртуальной реальностью [23]. Означает ли это, что в условиях глобальных трансформаций только цивилизационный субъект, обладающий рефлексией (сознанием), двойной рефлексией (самосознанием) и полирефлексией (культурой самосознания), может обеспечить аутентичность интерпретации «вызовов» времени и адекватность «ответов» на них, придать кризисам глобально-цивилизационный смысл? И можно ли считать, что отсутствие подобной сложной рефлексии является свидетельством тому, что личность или коллектив не способны решать проблемы, задевающие их, проявлять творчество в ликвидации кризисных ПВС и осознавать постоянно существующие угрозы смысловой какофонии, иллюзорного бытия, социальных обманов и имитаций, как на уровне повседневности, так и на уровне современности? Вопросы эти не праздные и не простые. Ответы на них и должна дать зарождающаяся метатеория и философия социальных наук – гуманитарная кризисология.

Литература

1. Каширин В. И., Кирсанов П. Ю. Новые краски «цветных революций»: «молекулярная буря» или «роевое состояние»? / Этнические проблемы современности. Вып. 16., Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011.
2. Пресса о Евромайдане: финансы, Беркут и выходы из кризиса / Корреспондент.net. – <http://korrespondent.net/ukraine/politics/>; Йолка незалежности. Доживет ли Украина до Нового года // Русский репортер. № 48 (326), 5–12 декабря 2013.
3. Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999; Мировое сообщество и судьба России. М., 1997; Размышление о политологии. М., 1999 и др.
4. Бестужев-Лада И. В. Социальное прогнозирование. М., 2001; Картография постсовременного мира / отв. редактор А. И Неклесса. М, 2002.
5. Кризисная экономика современной России: тенденции и перспективы / науч. ред. Е. Т. Гайдар. М: Проспект, 2010. 656 с. Об огромных потерях экономики России в 1990-е годы пишет Е. М. Примаков (Россия в современном мире. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009 и др.).
6. Назатерян А. П. Смыслообразование как глобальная проблема современности // Вопросы философии. № 5. 2009; Скворцов Л. В. Прогнозы поля современной геополитики // Россия и мусульманский мир. 2012. № 12 (246); Бузгалин А. В. Диалектика: реактуализация в мире глобальных трансформаций // Вопросы философии. 2009. № 5; Кризис: альтернативы будущего (глобальный контексте и российская специфика) / под ред. А. В. Бузгалина, П. Линке. М.: Культурная революция, 2010. 368 с.
7. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование: учебник для студентов вузов. М.: Алгоритм, 2000.
8. Кризис: альтернативы будущего (глобальный контексте и российская специфика). Под ред. Бузгалина А.В., Линке П. – М.: Культурная революция, 2010. – 368 с.
9. Волков Ю. Г. Креативный класс versus имитационных практик // Гуманитарий Юга России. Научный журнал. Ростов-на-Дону. 2012. № 1.
10. Абрамсон И. Г. Альтернативы кризису: потенциал социального творчества / Кризис: альтернативы будущего (глобальный контекст и российская специфика) / под редакцией П. Линке, И. Г. Абрамсон, А. В. Бузгалина. М.: «Культурная революция», 2010. 368 с.
11. Бузгалин А. В. Диалектика: реактуализация в мире глобальных трансформаций // Вопросы философии. 2009. № 5.
12. Бузгалин А. В. Диалектика: реактуализация в мире глобальных трансформаций // Вопросы философии. 2009. № 5.
13. Музыка О. А., Попов В. В. Время и социальная синергетика. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2007. 256 с.
14. Каширин В. И. Глобалистика и глобальный эволюционизм: новый парадигмальный фрейм / Циклы. Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ. 2000. 280 с.; Каширин В. И., Каширина О. В. Информационное поле культуры: информационный отбор – цивилизационный выбор. Монография. М.: МАКС Пресс, 2008. 176 с.; Каширин В. И. Цикличность и проблема метода в современной глобалистике: синтез диалектики и триалектики / Циклы природы и общества. Материалы 7 Международной конференции. Ставрополь, 11–14 октября 1999 г. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999.

15. Каширина О. В. Культура времени в современной картине жизни. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. 286 с.; Каширина О. В. Культура времени как мировоззренческая парадигма и интеллектуальная технология практической философии // Социально-гуманитарные знания. № 1. 2013.
16. Деркач А. А., Лаптева И. Л. Актуализация социально-акмеологического потенциала модернизации России // Человеческий капитал. М., 2012. № 9 (45).
17. Кравченко А. С. Становление сложного социума: востребованность новых подходов к исследованию // Гуманитарий Юга России. Научный журнал. Ростов-на-Дону. 2012. № 2.
18. Кимелев Ю. А. Методология социальных наук (Современные дискуссии): Аналитический обзор / РАН ИНИОН. М., 2001. 94 с.
19. Штомпка П. Социальное изменение как травма // ПОЛИС. 2001. № 1.
20. Федотова В. Г. Апатия на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 3.
21. Скворцов Л. В. Информационная культура и цельное знание. М.: ИНИОН РАН, 2001.
22. Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М. СПб, 2006. 1160 с.
23. Каширин В. И., Каширина О. В. Информационное поле культуры: информационный отбор – цивилизационный выбор. Монография. М.: МАКС Пресс, 2008. 176 с.

УДК 130.2

Захарин Андрей Николаевич

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКО-ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА КРИЗИСНОГО И АГРЕССИВНОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается социально-философская сущность мировоззренческо-парадигмального конфликта как продукта турбулентности в информационном поле культуры, и его влияние на сознание молодежи, вызывающее как позитивные (доконфликтные и постконфликтные), так и негативные (конфликтно-кризисные, агрессивные) состояния сознания.

Ключевые слова: мировоззренческо-парадигмальный конфликт, турбулентность, кризисное сознание, агрессия.

Zakharin Andrey N.

WORLD OUTLOOK-PARADIGM CONFLICT AS A DETERMINANT OF SOCIAL CRISIS AND AGGRESSIVE YOUTH CONSCIOUSNESS

This article examines the social and philosophical essence of world outlook-paradigmatic conflict as a product of the turbulence in the information field of culture, and its influence on the minds of youth, vyvayayuschee as positive (pre-conflict and post-conflict) as negative (conflict-crisis, aggressive) states of consciousness.

Key words: world outlook and paradigmatic conflict, turbulence, crisis consciousness, aggression.

Мировоззренческо-парадигмальный конфликт – это форма социальной детерминации общественного и индивидуального сознания, отражающая пространственно-временную ситуацию, в которой мировоззренческий кризис сознания, носящий, как правило, глубокий и долговременный характер, сочетается с конфликтом научных парадигм, объединяющих в информационном поле культуры противоположные или противоречивые способы ликвидации деформационных процессов современности и повседневности. Такого рода конфликты, когда их искусственно обостряют, иногда называют информационными войнами. Однако термин «информационная война» не раскрывает специфики и истоков конфликтно-кризисных ситуаций, где главной выступает задача достижения баланса модернизации и архаизации на основе цивилизационного со-творчества, учитывающего, что общество не может существовать без конфликтов и кризисов.

Актуальность рассмотрения проблем, связанных с возникновением и эволюцией кризисного и агрессивного сознания, определяется возрастанием масштабности процессов, находящихся отражение в Интернете и других частях глобального информационного поля культуры. События местного или регионального значения, если они вызывают интерес читателей или блогеров, затрагивают каждую страну, а по существу каждую социальную группу, каждый класс, каждого человека в отдельности. Истоки глобального кризисного сознания лежат на рубеже 70–80-х годов, когда зарубежные и оте-